

18+

МАРКИН В.

БЕНЗОВОЗ

Владимир Маркин

Бензовоз

<https://litres.ru/74275312>

ISBN 9785007069380

Аннотация

Виталий возит бензин по русской провинции — рейс за рейсом, без начала и конца. Эта книга про то, как живёт человек, которого никто не спрашивает, живётся ли ему вообще. Проза без прикрас, для тех, кто не боится грязи под ногтями.

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	13
5	16
6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Бензовоз

Владимир Маркин

Дизайнер обложки Владимир Маркин

© Владимир Маркин, 2026

© Владимир Маркин, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-6938-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цистерна воняет бензином даже снаружи. Я стою и курю в трёх метрах, потому что так положено, а не потому что боюсь. Хотя боюсь, конечно.

Двадцать три тонны позади кабины. Я об этом не думаю, когда еду. Думаю, только когда стою вот так, у заправочного узла, и жду, пока насос наполнит её до края.

— Виталич, шланг придержи, — говорит оператор.

Я придерживаю. Руки у меня в мозолях уже третий год. До этого были другие мозоли — от гаечных ключей, от кувалды. Теперь от шланга. Тело меняет форму под работу, которую ты ему даёшь. Никто не спрашивает, хочет ли оно.

Диспетчер по рации: «Виталич, маршрут сто сорок, груз до Клинецов, выезд через двадцать минут». Голос у неё как у человека, который давно перестал спать нормально. Я её никогда не видел. Может, и не увижу.

Двадцать минут. Успеваю доесть беляш, купленный вчера и разогретый на солнце через лобовое стекло. Беляш холодный внутри, горячий снаружи. Как я, наверное.

Сажусь в кабину. Зеркала, ремень, ключ. Мотор заводится не сразу — старый, как и всё здесь. Дизель кашляет, потом выравнивается, гудит ровно, и этот гул — единственное, что можно назвать музыкой в моей жизни последние два года.

Выезжаю на трассу. Асфальт латанный, машина мотает ци-

стерну из стороны в сторону на неровностях, и я чувствую груз спиной, через сиденье, через руль — как будто везу не бензин, а что-то живое, что не хочет ехать.

Обгоняет фура. Потом ещё одна. Радио ловит только одну станцию, и там поют про любовь, которой я не помню какая на вкус.

Жена звонила вчера. Не про нас — про сына, про справку в школу. Я сказал «сделаю». Не сделал ещё. Сделаю в Клинцах, если найду время между сливом и обратной загрузкой.

Дорога идёт прямо восемьдесят километров, потом поворот. Я знаю этот поворот наизусть — там всегда стоит машина ГИБДД, и я всегда готовлю пятьсот рублей заранее, в бардачке, чтобы не рыться при них. Сегодня их нет. Странно. Как будто день начался неправильно.

Я не верю в приметы. Но что-то внутри всё равно напрягается.

Двести километров до Клинцов. Двести километров — это шесть часов, если повезёт, и восемь, если нет. Я включаю поворотник, хотя вокруг никого. Привычка. Может, единственная вежливость, которая у меня осталась.

Бензин у меня за спиной. Двадцать три тонны того, что заставляет мир двигаться, и ни грамма того, что заставляет двигаться меня.

Еду дальше.

Утро начинается с того, что я блюю в раковину в общаге при автобазе. Не с похмелья — вернее, и с похмелья тоже, но в основном потому что желудок у меня давно работает не по расписанию, а как ему вздумается. Двадцать лет заправок, беляшей и растворимого кофе делают своё дело.

Умываюсь. В зеркале — рожа, которой я не горжусь и не стыжусь. Просто рожа. Мужик сорок с лишним, небритый, с мешками, в которых можно хранить документы.

Диспетчерская — три на четыре метра, воняет табаком и старыми бумагами. За столом Люда, лет сорок пять, курит одну за одной, голос как наждак.

— Виталич, машина твоя, номер, сам знаешь. Груз — Клинцы. Не проеби, как в прошлый раз.

— Когда это я проебал?

— Когда бухой приехал сдавать путевой лист и подписал не там, где надо, я потом два часа с бухгалтерией разбиралась.

Я молчу. Она права. Спорить с правотой — потеря времени, которого у меня и так немного осталось на этой земле, если верить врачам, а я им не верю, потому что последний раз был у врача при Ельцине.

Люда сама себе разливает чай в железную кружку, себе не предлагает мне, и правильно делает — я бы не отказался, но

просить не буду.

— Ключи, — говорит она и кидает связку через стол, не глядя.

Ловлю. Не потому что реакция хорошая, а потому что ловить вещи, летящие в тебя — единственный вид спорта, которым я занимаюсь много лет.

На улице холодно, март, снег превратился в кашу, в которой утонут любые ботинки, кроме моих — старых, кирзовых, купленных ещё когда я думал, что это временная работа.

Ничего не временно. Всё, что кажется временным, просто медленно становится тобой.

Иду к машине. Толян уже там, курит, облокотившись на колесо, будто цистерна — это его личный диван.

— Слышал, Прохоров сгорел вчера, — говорит он, не здороваясь.

— Как сгорел?

— Как обычно горят. С цистерной.

Молчим. Дым от его сигареты идёт вверх, ровно, потому что ветра нет. Прохорова я знал плохо — здоровались, пили один раз на дне рождения кого-то из механиков. Но новость такого рода не требует, чтобы ты знал человека хорошо. Она просто напоминает, чем мы возим и что возим вместе с бензином — саму возможность не доехать.

— Земля пухом, — говорю я, потому что так положено говорить, а не потому что чувствую что-то, кроме холода в

ногах.

Толян плюёт в снег, аккуратно, будто ставит точку.

— Ну что, поехали бензин возить, — говорит он.

И мы едем. Потому что больше нечего делать с утром, кроме как ехать.

Заправка стоит на сто двадцатом километре, между двух холмов, будто её туда бросили с проезжающей машины и забыли забрать. Три колонки, магазин размером с гроб, и касса, за которой сидит женщина по имени Надя.

Я останавливаюсь не потому что нужен бензин — у меня в баке своей машины ещё половина, а потому что организм требует кофе и десять минут без вибрации руля под задницей.

Надя меня узнаёт, кивает, наливает кофе из автомата раньше, чем я успеваю попросить. Три года так. Три года одного и того же кофе, который на вкус как размоченный картон, но горячий, и это единственное, что от него требуется.

— Виталич, опять цистерна? — спрашивает она, хотя видит цистерну через окно и вопрос не имеет смысла.

— Опять.

— Тяжело?

— А кому легко.

Она не смеётся, но что-то в лице у неё двигается, что можно принять за улыбку, если не быть слишком требовательным. У Нади муж инвалид, я знаю это не потому что она рассказывала подробно, а потому что за три года обрывки складываются в картину без моего желания её складывать. Авария, ноги, инвалидность второй группы, пенсия, которой не

хватает ни на что.

Она разгадывает кроссворд между покупателями. Сегодня застряла на слове из семи букв — «согласие без слов».

— Молчание не подходит, шесть букв, — говорю я.

— А что тогда?

— Не знаю. Я в кроссвордах не силен.

Мимо проходит дальнбойщик, берёт «Данон» и сигареты, кидает деньги на прилавок, не глядя на нас, будто мы часть интерьера. В каком-то смысле так и есть.

Пью кофе у окна. Через стекло видно цистерну, тяжёлую, спокойную, как животное, которое легло отдохнуть. Надя за спиной что-то говорит по телефону — про лекарства, про рецепт, про то, что в этом месяце снова не хватает.

Я не подслушиваю специально. Просто маленькое помещение не оставляет выбора.

Допиваю кофе. Кладу монеты на прилавок, чуть больше чем нужно — не милостыня, просто округление в её пользу, которое ни один из нас не назовёт вслух тем, чем оно является.

— Счастливо, Виталич.

— Бывай, Надюх.

Сажусь обратно за руль. Двигатель заводится с третьей попытки, как всегда после десяти минут простоя зимой. Еду дальше, а Надя остаётся сидеть под неоновой вывеской, которая мигает через одну букву, и решать свой кроссворд, в котором слово из семи букв так и не находится ни у неё, ни

у меня.

Согласие без слов. Может, это и есть то, что было между нами всё это время. Просто ни у кого нет привычки называть вещи своими именами.

До Клинецов не доехать засветло — это ясно уже часам к пяти, когда солнце садится куда-то за грязный горизонт, а до места ещё сто десять километров, и часы вождения по закону кончились сорок минут назад, что означало бы штраф, если бы кто-то проверял, но кто здесь проверяет.

Съезжаю на стоянку — асфальтовый пятак у обочины, где уже стоят три фуры, каждая как остров со своим светом внутри кабины и своим одиночеством. Глушу двигатель. Тишина наступает не сразу — сначала звенит в ушах эхо мотора, потом отпускает.

Разложить сиденье в лежак — целая наука, которую я освоил за годы лучше, чем когда-то умел собирать автомат в армии. Куртка под голову, одеяло, которое пахнет соляркой и мной одновременно, потому что стирать его негде и незачем.

Ем прямо из банки — тушёнка, холодная, ложкой, которую не мыл со вчера. Вкуса почти нет, есть только ощущение, что что-то попадает внутрь и заполняет яму, которая называется голодом, хотя на самом деле это не голод, а просто привычка есть в определённое время суток.

За окном темнеет по-настоящему, по-деревенски — без фонарей, без городского зарева, только звёзды, которых так много, что это даже раздражает после стольких лет, когда

небо было либо серым, либо жёлтым от натрия уличных ламп.

Спина болит. Не остро, а фоновое, как радио, которое не выключается. Я лежу и слушаю, как где-то через два места от меня кто-то кашляет — долго, с надрывом, курильщик со стажем не меньше моего.

Достаю телефон. Одна полоска сети. Сообщение от жены — «сын спрашивал про тебя». Не «когда приедешь», не «как дела», а именно «спрашивал про тебя» — формулировка, которая ничего не обещает и ни к чему не обязывает.

Я не отвечаю сразу. Курю в приоткрытое окно, хотя запрещено спать в кабине с бензином за спиной и курить одновременно, но кто здесь проверяет, я уже говорил.

Дым выходит в щель окна и тут же исчезает в темноте, будто его и не было.

Думаю про сына — не как отец должен думать, с теплом и виной, а как-то по касательной, будто вспоминаю фильм, который смотрел давно и не полностью запомнил сюжет. Сколько ему сейчас — двенадцать? Тринадцать? Стыдно, что приходится считать.

Пишу в ответ: «скажи, скоро буду». Вру, конечно. Скоро — понятие растяжимое, как этот бензин в цистерне, который тоже принимает форму того, что его держит.

Гашу телефон. Темнота становится полной, только звёзды и редкий свет фар проезжающей где-то далеко машины, скользкий по потолку кабины и исчезающий.

Сон приходит не как отдых, а как выключение — резко, без перехода, будто кто-то щёлкнул тумблером у меня внутри.

Просыпаюсь один раз, среди ночи, от холода в ногах и от звука, похожего на треск металла где-то в темноте — может, цистерна остывает и сжимается, может, просто снится.

Лежу, слушаю. Ничего не происходит. Засыпаю снова.

Пост ГИБДД появляется из тумана как всегда неожиданно, хотя я знаю это место наизусть уже три года — просто туман сегодня такой, что дорога кажется каждый раз новой.

Полосатая палка поднимается вверх раньше, чем я успеваю сбросить скорость до положенной. Прижимаюсь на обочину, глушу. В зеркало вижу, как сержант идёт к кабине неторопливо, вразвалку — походка человека, у которого вся смена впереди и спешить некуда.

Опускаю окно.

— Документы.

Отдаю всё сразу — права, путевой лист, техпаспорт на цистерну, накладную. Он листает, не читая толком, это видно по глазам — скользят по бумаге, не задерживаясь.

— Груз какой?

— Бензин. АИ-92, Клинцы.

Он обходит машину сзади, стучит по цистерне костяшками, будто проверяет арбуз на спелость. Возвращается.

— Габаритные огни у тебя слева не горят.

Горят, я проверял утром. Но спорить с ГИБДД про габаритные огни — то же самое, что спорить с погодой про дождь.

— Виноват, — говорю я. — Гляну на стоянке.

Он молчит, смотрит на меня, потом куда-то в сторону, на

туман, будто там написано, сколько сегодня штраф.

— Пятьсот, — говорит он тихо, без выражения, как называют цену на рынке за картошку.

Достаю из бардачка приготовленную заранее купюру, вкладываю в паспорт, отдаю. Он забирает так же ровно, без спешки, без взгляда, кладёт куда-то себе в карман бушлата одним движением, отработанным за годы до автоматизма.

— Счастливого пути.

— Ага.

Поднимаю окно, еду дальше. В зеркале вижу, как он возвращается к своей машине, к теплу, к термосу, который наверняка стоит там на панели.

Я не злюсь. Злиться на это — как злиться на то, что зима холодная. Просто часть маршрута, такая же, как заправка четырнадцать или яма на сто тридцать пятом километре, которую я объезжаю уже который год, а её так и не залатали.

Пятьсот рублей — это полтора часа моей работы, если считать по-честному. Но честный счёт здесь никому не нужен, начиная с меня самого.

Туман редет ближе к обеду, и дорога наконец показывает, что она такое — серая лента, уходящая в такую же серую даль, без начала, которое я помню, и без конца, который я мог бы себе представить.

Габаритные огни, кстати, горели. Я проверил на следующей остановке. Горели все три года, что я вожу эту машину. Просто у сержанта, видимо, было плохое зрение или хоро-

шее чутьё на то, у кого есть пятьсот рублей в бардачке.

Машину я вижу за секунду до того, как это происходит — вернее, вижу не машину, а то, что от неё останется. Встречная фура выносит на моей полосе легковушку, которая пыталась обогнать, и всё это складывается в одно движение, слишком быстрое, чтобы успеть испугаться, и слишком медленное, чтобы забыть потом.

Я торможу, хотя торможение с двадцатью тремя тоннами бензина за спиной — это скорее пожелание, чем действие. Цистерну ведёт, я чувствую, как она пытается жить своей жизнью, не моей, и на секунду мне кажется, что вот здесь всё и закончится — я, бензин, дорога, туман, всё сразу.

Не заканчивается. Останавливаюсь на встрече, метрах в тридцати от того, что раньше было легковушкой.

Выхожу. Ноги не сразу слушаются, но идут.

Фура тоже стоит, водитель уже возле обломков, стоит и смотрит, руки в карманах, будто зашёл посмотреть на витрину магазина, где ничего не собирался покупать.

Легковушка сложилась пополам, как коробка из-под обуви, на которую наступили. Внутри — не буду описывать, что внутри. Скажу только, что человек там был один, и что он уже не то чтобы человек, а то, что от человека остаётся, когда физика берёт своё без остатка.

Толян бы сказал что-нибудь циничное. Толяна рядом нет.

Я стою и курю, потому что руки требуют, чтобы что-то делали, а делать здесь уже нечего. Скорая едет откуда-то изда- лека, минут двадцать, может, тридцать — я не засекал, вре- мя в такие моменты течёт неправильно, то слишком быстро, то останавливается вовсе.

Приезжают гаишники, те же самые или похожие, разница не имеет значения. Записывают показания. Я говорю то, что видел — обгон, занос, удар. Сухо, как отчёт, потому что если говорить не сухо, придётся чувствовать, а чувствовать здесь — роскошь, которую дорога не предусматривает в графике.

Водитель фуры курит рядом со мной, не разговаривая. В какой-то момент говорит:

— Третий за этот год у меня на глазах.

— Третий, — повторяю я, не как вопрос, просто чтобы что-то сказать.

— Люди обгоняют как дураки. Всегда так было.

Он прав, и в этой правоте нет утешения, только факт, ров- ный, как дорожная разметка.

Стоим ещё час, пока всё не запротоколируют, пока труп не увозят, пока обломки не оттаскивают на обочину дожи- даться эвакуатора. Потом нас отпускают.

Сажусь в кабину. Руки на руле дрожат — не сильно, едва заметно, но я их вижу, эту дрожь, и говорю себе, что это от холода, хотя в кабине тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.